

Возвращение Турецкого

Фридрих Незнанский

Никто не хотел убивать

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Никто не хотел убивать / Ф. Е. Незнанский — «Автор»,
— (Возвращение Турецкого)

Ночью в лабораторном корпусе фармацевтической компании убит молодой перспективный ученый. Этим убийством начинает заниматься «убойный отдел» МУРа, и уже параллельно ему ведут свое собственное расследование Турецкий и Плетнев. Под подозрение попадают почти все сотрудники фирмы, которые работали по программе новейшего иммуностимулятора. При вскрытии погибшего выясняется, что умер он не от удара по голове, а от воздействия какого-то препарата, который был подсыпан ему в коньяк. Кому и зачем понадобилась эта смерть?

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	22
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

Никто не хотел убивать

В основе книги – подлинные материалы как из собственной практики автора, бывшего российского следователя и адвоката, так и из практики других российских юристов. Однако совпадения имен и названий с именами и названиями реально существующих лиц и мест могут быть только случайными.

Глава 1

Пробиваясь сквозь автомобильные пробки к кольцевой дороге «имени товарища Лужкова», Турецкий вдруг подумал о том, что устоявшаяся работоспособная фирма – это тот же живой организм, в жизни которого случаются удачи, промахи и неудачи, а белые полосы с определенной периодичностью перемежаются то с серыми разводами, то со сплошной чернотой. Взять хотя бы его «Глорию». Мало того, что при оперативной разработке особо опасного преступника был ранен Филипп Агеев, так еще это ЧП на фирме Шумилова, которому он, бывший «важняк» Генеральной прокуратуры России Александр Борисович Турецкий, обещал помочь, но пока что...

Мысленно метнувшись к Агееву, которому уже провели операцию и теперь он лежал в госпитале, Турецкий заставил себя вернуться к телефонному звонку Плетнева, который ждал его сейчас в лабораторном корпусе фармацевтической компании Шумилова. В общем-то, сообщение было более чем коротким и лаконичным, но прозвучало оно как выстрел из пистолета. Хлесткий и неожиданно громкий.

«Убит Савин! Нужна ваша помощь. Приезжайте».

Савин... Убит Савин...

Дергаясь в пробке, которой, казалось, не будет конца, Турецкий постарался припомнить все, что он знал о Савине от того же Шумилова, но для этого пришлось вернуться мысленно к событиям почти полумесячной давности, когда он и Ирина были приглашены на день рождения Игната, его крестника, и отец Игната, Дмитрий Шумилов, знаковое лицо в фармацевтической промышленности, его давнишний друг, умница и большой ученый, закатил банкет в своем загородном доме.

Уже поздним вечером, когда гости устали от тостов и прочей хренотени, Шумилов пригласил его на балкон и, прикрыв дверь в гостиную, как-то очень грустно произнес:

«Саша, мне нужна твоя помощь».

«Догадываюсь».

К просьбам друзей о помощи, которые сыпались как из рога изобилия, ему было не привыкать, и он уж настроился было на конкретику, как вдруг Шумилова, что называется, понесло:

«Ты только пойми меня правильно, Саша! Я семь лет строил свою компанию. Сначала надо мной смеялись, мол, фармацевтика, да еще в нашей стране... А сейчас, когда я привлек лучшие умы, когда в каждой аптеке по два-три моих препарата, когда... В общем, на любой международной ярмарке, на каждом международном симпозиуме мне предлагают продать любую разработку, причем даже на начальной стадии, а я говорю – нет».

Подетально припоминая тот разговор, он вспомнил, как Шумилов покосился на него вопросительным взглядом, словно желал удостовериться в доходчивости своих слов, и уже более спокойно, тоном ниже произнес:

«Сейчас я разрабатываю иммуностимулятор, это противовирусный препарат нового поколения. И я... я назвал его “Клюква”. Почему, спрашиваешь, “Клюква”? Да просто так, мне песенка тогда привязалась из шестидесятых... Помнишь, может? “И теперь по количеству клюквы не обгонит Америка нас”. Короче говоря, производство стоило колоссальных затрат, но уже через два месяца, на выставке во Франкфурте...»

Слова Шумилова были наполнены непереносимой горечью, какой-то внутренней болью, Турецкий тогда не выдержал, спросил:

«Дима, что случилось? Украла разработку?»

Лицо Шумилова передернула нервная судорога, и он как-то очень тихо, словно боялся, что его может услышать кто-то из гостей, произнес:

«Пытались украсть. Диски с технологической картой и опытный образец. Из хранилища пытались украсть... Из сейфа».

Сказал и сник, словно старый футбольный мяч, из которого выпустили воздух. А на естественный вопрос, вызывал ли он милицию, устало произнес:

«Нет. Не хочу огласки. Тем более что...»

И его лицо вновь дернулось от нервного тика.

«Ты подозреваешь кого-то из своих?»

«Да».

«Почему? У тебя что, есть какие-то зацепки, сомнения?»

«Зацепки? – все тем же убитым голосом произнес Шумилов. – Да как тебе сказать... Зацепок нет, а вот сомнения... Все те, кто находился той ночью в лабораторном корпусе и кого удалось опросить, как-то очень уж странно ведут себя, да и в здание просто так не проникнешь. С улицы не влезешь – все окна под сигнализацией, к тому же сторожайшая пропускная система и пятиметровый забор, который также оснащен сигнализацией. А тот, кто проник в лабораторный корпус, причем в хранилище...»

И он снова замолчал, тупо уставившись в пустой бокал, который все так же продолжал держать в руке.

«Насколько я тебя понимаю, ни двери, ни замок взломаны не были?»

Шумилов отрицательно качнул головой.

«В том-то и дело, что все целехонько. Дверь была открыта ключом, причем ключи от хранилища только у меня да еще у Ясенева. И они у нас не пропадали».

«Так, в чем же дело? Ясенев?!»

«Исключено!»

«Почему?»

«Ученый. Академик. Преданный этой разработке человек. Его едва инфаркт не хватил, когда он узнал об этом».

«В таком случае, кто?»

«Не знаю!»

«И все-таки ты подозреваешь кого-то из своих?»

Шумилов на это только руками развел.

Турецкий хорошо помнил, как его взбесил этот жест интеллигентской сопливости, и он, уже не скрывая своего раздражения, спросил:

«Ну а твоя служба безопасности... Она-то хоть что-нибудь делает?»

«Делает, – криво и вымученно усмехнулся Шумилов. – А тот, кто набрал этих уродов, стоит сейчас рядом с твоей женой и коньяк пьет».

«Глеб?!»

«Да! Мой двоюродный брат и мой вице-президент. Понимаешь? Я хотел, чтобы это был семейный бизнес, надежный и... и еще раз надежный, уже обжигался с партнерами со стороны. Теперь вся надежда на твоего крестничка, на Игната. Хочу, чтобы преемственность была в этом деле. Я его в Сорбонну сейчас отправляю, на химический факультет».

Он явно уходил в сторону, однако тут же поправился и как-то очень устало попросил:

«Ну что, Саша, поможешь?»

Поможешь...

Что он мог сказать ему в тот момент? Только то, что сказал:

«Я порекомендую тебе одного человека, из “Глории”... профессионала, который, возможно, и поможет разобраться с кругом твоих “единомышленников”. Зовут Антон Плетнев. А чтобы в глаза особо не бросалось, неплохо было бы оформить его новым начальником службы безопасности. Причем с широкими полномочиями. Твоего двоюродного братца все равно гнать надо».

«Хорошо. Что еще?»

«А сейчас расскажи мне о тех сотрудниках, которые работали с “Клюквой” и которые могли знать, на какой стадии обкатки находится опытный образец».

Вот тогда-то он и услышал о Савине как о молодом ученом, которому «светит большое будущее».

Тридцать лет, но на его счету уже три авторские запатентованные в Европе разработки, которые характеризуют его как перспективного ученого в фармацевтической отрасли. Сразу же после окончания института уехал во Францию, где несколько лет проработал в довольно крупной фармацевтической фирме, однако в силу каких-то обстоятельств вернулся в Россию, в Москву. По словам Шумилова, он самолично пригласил Савина на свою фирму, привлек к разработке «Клюквы» и до сих пор не жалеет об этом.

И вот теперь...

Савин убит. Савин, который, по мысли того же Антона Плетнева, являлся, пожалуй, наиболее привлекательным звеном в цепочке подозреваемых.

Убит как очень опасный, возможно случайный свидетель или же как исполнитель, которого следовало убрать сразу же, едва на него упадет хоть малейшая тень подозрения. Тень подозрения... А Плетнев уже приступил к «окучиванию», то есть к разработке, Савина. И если об этом стало известно заказчику похищения...

Экономический шпионаж? Возможно. И в таком случае, «перспективный» молодой ученый Савин... Впрочем, с выводами спешить не стоило. И в то же время за разработками такого уровня, как «Клюква», могла охотиться любая фармацевтическая компания мирового уровня, не говоря уж о родных, российских компаниях, фирмах и фирмочках, которых за последние пятнадцать лет столько развелось в одной лишь Москве, не говоря обо всей России, что скоро элементарных аптек хватать не будет, чтобы вытащить всю их продукцию на прилавки, да вот только люди почему-то болеют и мрут все больше и больше.

От этой мысли настроение испортилось окончательно, и Турецкий вновь мысленно вернулся к шумиловской разработке.

«Клюква»... Господи, надо же было придумать такое название!

Когда до лабораторного корпуса оставались считанные километры, а скорость из-за тех же пробок снизилась до десяти километров в час, он достал из кармашка мобильник, вытащил из «памяти» плетневский номер.

– Антон?

– Да, Саша, жду.

Несмотря на ту черную кошку, которая пробежала между ними, и нарочитую отчужденность самого Александра Борисовича, тот продолжал называть его «Саша».

– Уже на подъезде, – отозвался Турецкий. – Бригада приехала?

– Давно. Криминалисты уже заканчивают.

– Щеткин? Петя?

– Да, как вы и просили.

– Хорошо, ждите, скоро буду.

Припарковавшись у главного подъезда лабораторного корпуса, где неподалеку от «Скорой помощи» по-хозяйски расположились несколько милицейских машин, Турецкий взбежал по ступенькам и лицом к лицу столкнулся с Петром Щеткиным, который, видимо, заметил его из окна.

С Петром он был знаком давно, еще с институтских времен.

– Где он?

– Савин? В своей комнатке лежит. Приказано не уносить до твоего приезда.

Они прошли в комнату, где за столом Савина что-то писал следователь, а ее хозяин...

Вот и угадай после этого, сколько отмерено «небесной канцелярией» – тридцать лет или семьдесят два года. Еще вчера о нем говорили как о перспективном молодом ученом, за которым большое будущее, а сегодня...

Мертвый Савин лежал на полу, в луже крови, и зрелище это было не из приятных.

Кивнув следователю, Турецкий покосился на двух криминалистов, которые уже заканчивали свою часть работы, повернулся к Щеткину.

– Что-нибудь есть сказать?

Щеткин чисто профессионально пожал плечами.

– В общем-то, ребята уже посмотрели... Смерть наступила ночью, где-то между двумя и тремя часами. Предположительно от удара по голове тяжелым тупым предметом.

– Кто обнаружил?

– Уборщица, в восемь тридцать утра. Тут же сообщила охраннику, ну, а тот уже – по инстанции. Мои ребятки уже допрашивают сотрудников.

– И?..

– Пока что ничего. По данным охраны, кроме самого Савина в лаборатории никого больше не было.

– Выходит, самострел? – усмехнулся Турецкий.

И снова Щеткин невнятно пожал плечами.

– Да как сказать... Не самострел, конечно, но не исключено, что тупым предметом мог быть и вот этот угол стола.

И он кивнул на заставленный пробирками, ретортами и колбочками рабочий стол, посреди которых красовалась ополовиненная бутылка довольно дешевого, явно самопального коньяка.

– Твои принесли или здесь уже было?

– Обижаете, гражданин начальник, – хмыкнул Щеткин. – Мои орды на выезде не пьют.

– А это?

– А это, судя по всему, с ночи осталось. Не допили. А возможно, что и не допил бедолага. Только тратился зазря.

– Пожалел волк кобылу, – буркнул Турецкий и еще раз окинув взглядом небольшую лабораторию, в которой творил младший научный сотрудник Савин, повернулся лицом к Щеткину. – Собаку, надеюсь, пустили?

– А толку-то, – отозвался Щеткин. – Чувствуешь, какой здесь запах? Видать, когда он падал, то какие-то ампулы на столе рукой зацепил и... Короче, наш Мухтар даже нюх потерял. Чихает, бедолага, как простуженная бельгийская лошадь.

У этого опера, многоопытного, как сельский сбор старейшин, все живые твари были «бедолагами», включая, естественно, и жмуриков, которых он столько перевидал за свои годы службы, что этого хватило бы на весь оперативный состав небольшого отделения милиции.

– Что и говорить, амбре похуже, чем в станционном клозете, – слышался от дверей голос Плетнева, и на порожке, заслоняя собой весь проем, выросла массивная, шкафоподобная фигура бывшего спецназовца. – Я тоже прочихаться не мог, когда зашел сюда.

Чтобы не уподобляться «чихающей бельгийской лошади», они прошли в коридор, где уже немного расслабившийся Щеткин пробурчал недовольно:

– Что за контора такая?.. Из всего начальства только психующий завлаб да какой-то нервный академик, с которым разговаривать, что на высокопоставленный труп выезжать. Всем ребятам успел кровь испортить. Будто не у них сотрудника замочили, а мы его в эту комнатень подкинули.

И он удивленно покрутил головой.

– Вот же хмырь!

«Академиком», судя по всему, был Яснев, звезда первой величины в фармацевтике, как в свое время охарактеризовал его Шумилов, и Турецкий счел за нужное прервать разглаговольствования Щеткина, который, видимо, и вправду нанюхался какой-то дряни в лаборатории Савина:

– Все, Петя, спасибо. И спасибо великое, что приехал. А теперь просьба. Как только будут результаты экспертизы – дай знать. Буду очень тебе благодарен.

– Само собой, – пожал плечами Щеткин и, кивнув Плетневу, спорым шагом направился по коридору к выходу.

Оставшись с Антоном вдвоем, Турецкий спросил негромко:

– Что-нибудь успел накопать? Я имею в виду по факту... – Он хотел было сказать убийства, но вовремя осекся и только кивнул в сторону открытой двери лаборатории, где в подсохшей луже крови все еще лежал Савин.

Плетнев обреченно вздохнул, и на его лице застыла маска не справившегося с заданием человека.

– Пока что ничего. Опросили кого могли, но... – И он виновато развел руками. – Никто ничего не знает.

– А что говорит их служба безопасности?

– В том-то и дело, что ни хрена не говорит! – вскинулся Плетнев. – Из всей службы только охранник на месте, Модест, а Глеба до сих пор нет.

«М-да, – мысленно пробурчал Турецкий, – видимо прав был Петя Щеткин, когда пожаловался на порядки в “этой конторе”».

И снова он подумал о Шумилове, которому его «Клюква» грозила большими неприятностями. С его-то мягкостью и внутренней интеллигентностью надо не родню набирать в свою команду, а крепких, порядочных профессионалов, которые смогли бы оградить его хотя бы от чисто внешних неприятностей.

– Ладно, хрен с ним, с Глебом, все равно ничего толкового не скажет, – подвел черту Турецкий. – Ну, а сам-то... версии, догадки, предположения? Впечатление такое, будто это несчастный случай. Как говорится, молодо-зелено. Вот и не рассчитал своих силенок. Закошел и... и головой об стол. Возможно, что даже поскользнулся на какой-нибудь дряни.

– Похоже, – согласился с ним Плетнев. – И поначалу я тоже так подумал. Но потом...

Он с силой щелкнул пальцами и уже каким-то яростным, напористым тоном произнес:

– Ты понимаешь, Саша, не может быть, чтобы это был просто несчастный случай. Не может! Он, этот самый Савин, он что-то знал про ограбление, и...

– И его убрали, – внес свою лепту Турецкий.

– Насколько я чувствую, это именно та рабочая версия, от которой надо бы и плясать.

Турецкий хотел уж было съязвить, «вот и пляшите, господин Плетнев. Глядишь, и не останется времени, чтобы чужих жен уводить из конюшни», однако в этот момент в конце коридора показалась приземистая фигура охранника, и он вовремя осекся.

– Антон Владимирович... Можно вас на два слова? – произнес Модест, остановившись в двух шагах Плетнева. И откашлялся в кулачок, покосившись на Турецкого.

– Говори здесь, слушаю.

Модест еще раз покосился на Турецкого и негромко произнес:

– Тут такое дело... В общем, сегодня ночью, что-то около трех было, в лабораторию зашел Шумилов. Я имею в виду Глеба Вячеславовича... вице-президента.

– И?... – подался к нему Плетнев.

– Ну-у, пробыл он там минут десять, не больше, и ушел. – Модест как бы замылся, словно решал, стоит ли обнародовать лишнее, и все также негромко добавил: – Как мне показалось, очень уж он нервничал.

Плетнев вскинул вопросительный взгляд на Турецкого и снова уставился на Модеста.

- А ты... ты, случаем, не ошибаешься? Может, обознался? Спутал с кем-нибудь?
- Исключено! – обиженно пробурчал Модест. – Тем более, что на работе я кроме чая да кофе ничего не пью. Это каждый подтвердить может.
- Ладно, ладно, верю, – остановил его Плетнев, хотел было еще что-то сказать, но его перебил Турецкий:
- Вы говорили об этом кому-нибудь? Я имею в виду следователя, милицию...
- Зачем? – искренне удивился охранник. – Ведь такого распоряжения не было. Что и говорить, выучка у Модеста была правильная.

На мобильный звонок Турецкого Шумилов-старший отозвался мгновенно, будто ждал его.

- Дима? Это Турецкий. Где твой вице-президент?
 - Ты имеешь в виду Глеба?
 - Естественно.
 - Сам ищу. Уже четыре часа дозвониться не могу. Ни по мобильнику, ни по домашнему.
- А что?
- Нужен. Причем срочно.
 - Но я...
 - Может, у любовницы застрял? – предположил Турецкий. – Или у друзей пьет?
 - Ну-у, насчет друзей, думаю, это исключено. Их у него попросту нет, а вот насчет женщин?.. Их у него столько, что он уже и сам, наверное, со счета сбился.
 - Но ведь сейчас рабочий день! – взвился Турецкий. – А твой вице-президент...
 - Саша... – каким-то очень усталым, опустошенным голосом произнес Шумилов, – прошу тебя, не заводи. И без того плохо.

- Ладно, хрен с тобой, живи. Но учти, он мне нужен, причем весьма и весьма срочно.
- Хорошо, будем искать, но и ты меня пойми правильно.

Шумилов замолчал было, но тут же спохватился:

- Кстати, ты сейчас где?
- Только что вышел из лаборатории.
- Ты уже закончил?
- Да.

- В таком случае поднимайся ко мне, я тоже минут через пять буду.
- Все слышал? – спросил Турецкий, пряча мобильник в карман.

Плетнев на это только кивнул. Мол, полный бардак и вседозволенность – это основные характеристики данной конторы. И еще удивляться можно, как при таком раздолбайстве эти чудики могли слепить какую-то «Клюкву». Короче говоря, бар-р-дак!

- В таком случае, оставайся пока что здесь, а я буду у Шумилова.

К приемной Шумилова, которая находилась в административном корпусе, они подошли практически одновременно, и Шумилов, пожав руку Турецкого, пригласил его в кабинет. Распахнул дверь перед гостем и... и весьма удивился, увидев в своем кресле сына.

- А ты-то что здесь делаешь? – вырвалось у него. – К тому же у тебя занятия.
- Француженка заболела.
- Но... но это не повод вламываться в мой кабинет. И без разрешения.
- Я понимаю, папа, но...

Чувствовалось, что он не очень-то рад встрече со своим крестным, и то ли от столь неожиданной для него встречи, то ли еще от чего, но он был мрачен и бледен. Однако Шумилов не желал этого замечать.

- У меня совершенно нет времени! – отрезал он. – Понимаешь, нет времени? Ни мину-ты!

– Но это очень важно, пап.

Сообразив, что парню не очень-то приятно разговаривать с отцом в присутствии «дяди Саши», Турецкий, как о чем-то само собой разумеющимся, произнес:

– Дима, может мне выйти?

Видимо не зная, что ответить, Шумилов явно растерялся, но его опередил Игнат:

– Да, пожалуйста, дядя Саша. Буквально на пару минут. Я... я вам буду очень благодарен.

Игнат действительно задержался в кабинете отца не более двух-трех минут. Уже проходя мимо Турецкого, который курил в приемной, стоя у окна, он дурашливым жестом отдал ему честь и моментально скрылся за дверью. От его мрачного настроения не осталось и малейшего следа.

– Деньги, поди, канючил? – спросил Турецкий, стоя на пороге кабинета.

Шумилов обреченно кивнул и развел руками.

– Не понимаю, ест он эти «бабки», что ли? Недели не проходит, чтобы он не завел свою песню. А представляешь, что будет, когда у него появятся женщины?..

– Представляю, – согласился с ним Турецкий, думая в то же время о том, как бы без особых последствий для Шумилова рассказать ему о том, что последним человеком, который видел Савина живым, был его двоюродный брат, вице-президент компании Глеб Шумилов, и было это в то самое время, когда убили Савина. Около трех ночи...

И еще один вопрос не давал ему покоя. Что именно мог делать Глеб Шумилов в столь позднее ночное время в лаборатории Савина?

Спросил. И реакция была предсказуемой.

Шумилов побледнел, под правым глазом дернулся какой-то нерв, и он как-то очень тихо спросил, почти выдавил из себя:

– Саша... ты... ты считаешь, что это... что это он убил Савина? Но... но зачем?!

Турецкий вздохнул и тяжело опустился в кресло.

– Ну, во-первых, я пока что так не считаю, а во-вторых...

– Но ведь ты сам сказал, что Глеб...

– Да, – повысил голос Турецкий, – Глеб единственный, кто был в лаборатории в ту ночь. И единственный, кто может хоть что-то сказать по этому поводу. А его нет! Ты понимаешь, нет, хотя он обязан быть на рабочем месте! И я тебе, Дима, больше скажу. Если он не объявится, мы вынуждены будем объявить его в розыск.

Сказал и пожалел – на Шумилова было больно смотреть.

После того случая, когда от удара ножом в живот едва не погиб Агеев и его с великим трудом вытащили с того света, Ирину словно подменили. Она примчалась на дачу, где в глухом одиночестве отсиживался Турецкий, заподозрив жену в любовных шашнях с Плетневым, бросилась ему на шею и почти запричитала по-бабьи:

«Идиот! Милый! Да как ты только мог такое подумать! Я же люблю тебя, люблю, а ты... Все, хватит! Наигрались в ревность. Жизнь-то такая короткая! Филю вон... Агеева... а ведь и ты мог быть на его месте. Одевайся, поехали. Домой поехали. А дачу эту я спалю к чертовой матери».

Она плакала, второпях собирая в сумку его вещи, говорила что-то еще и еще, а потом схватила сумку, ухватила его за руку и потащила за собой к машине.

Он хотел поддаться, потому что любил свою Ирку, и он поддался ей. И теперь уже ехал вечерами не на дачу, где его ждали осточертевшие сардельки и столь же приевшиеся, купленные в деревенском магазинчике пельмени, а домой – к вполне человеческому ужину и вечернему чаю у телевизора.

Правда, где-то в глубине чисто мужского подсознания он все еще подозревал ее в измене и предательстве, недаром ведь в каждом пятнадцатом мужике старше сорока лет тлеет «син-

дром Отелло», и поэтому окончательно сближения так и не получилось, хотя Ирина Генриховна и пыталась делать все что могла.

Ирина уже знала о том, что случилось в «научно-исследовательском центре Шумилова», как сам Шумилов в шутку называл свой лабораторный корпус, и поэтому единственное, что она спросила, когда Турецкий приехал домой: «Неужто это Глеб?!»

– Утверждать, конечно, нельзя, но... По крайней мере, все это склоняется не в его пользу, – уклончиво ответил Турецкий. – К тому же его исчезновение...

– Но ведь, возможно... – попыталась было возразить Ирина Генриховна, однако Турецкий даже не дал ей договорить.

– Хочешь сказать, что мог задержаться у какой-нибудь женщины? Запить, в конце концов?

– Да.

– Исключено!

– Но почему?

Турецкий сморщился, словно яблоко кислое надкусил, и как на маленькую посмотрел на свою жену.

– Ты же психолог, Ира! Психолог-криминалист. А вопросы задаешь студента-первокурсника.

Он явно пытался уколоть ее, причем с ударом по ее профессиональному самолюбию, однако она сочла за лучшее не обращать на это внимания.

– И все-таки?

Турецкий невыразительно пожал плечами. Однако надо было отвечать и он, уже дожевывая кусочек филейного жаркого, устало произнес:

– Насколько мне известно, этот братишка Шумилова более двух-трех бокалов сухого вина вообще на грудь не принимает. Об этом мне Димка говорил. А что касается женщин, – вздохнул он, – так это не тот типаж, чтобы бросаться во все тяжкие из-за той же страсти или любви. Короче говоря, мужику уже под сорок, а в эти годы, как сама понимаешь...

И замолчал, скривившись. То ли из-за какой-то ассоциации, то ли из-за того, что целый день общался с Антоном Плетневым, к которому все еще продолжал ревновать свою жену, но на него вдруг «навеяло», и он счел за лучшее не развивать далее эту тему. И без того в груди продолжала теплиться незатухающая боль.

Промолчала и Ирина Генриховна, хотя могла бы многое чего рассказать насчет «остепенения» сорокалетних жеребцов. Причем на конкретных примерах, которые можно было бы обозначить коротеньким, но емким определением – «Турецкий и К°», то бишь компания. Ни одной смазливой «юбочки» не пропускали – и в тридцать, и в сорок, и в пятьдесят.

Впрочем, что было, то былем поросло, а сейчас надо было учиться жить «с новой страны», не зачеркивая при этом все то хорошее, что было раньше. А была любовь, которая, кажется, все еще осталась.

– А что Дима? – спросила Ирина Генриховна, уводя разговор от слишком опасной темы. – Я имею в виду по поводу Глеба.

– В шоке.

– Но он-то хоть понимает, что...

– Понимает, все прекрасно понимает. И в то же время не верит, что Глеб способен на подобное.

– А ты?.. Ты сам-то веришь?

– Я его слишком мало знаю.

Далее говорить было бессмысленно, и единственное, о чем спросила Ирина Генриховна, перед тем как Турецкий поднялся из-за стола, намерен ли он объявлять Глеба Шумилова в розыск?

И снова Турецкий пожал плечами.

– Это не я должен делать, а следовательно. А он...

– Что, он?

На скулах Турецкого обозначились вздущиеся желвачки, и он со злостью в голосе произнес:

– А он, следовательно, пока что не знает, что этой же ночью, в тот же отрезок времени, когда был убит Савин, в лабораторию заходил вице-президент компании Глеб Шумилов! Причем, заметь, тот самый Глеб Шумилов, которому в этой лаборатории совершенно нечего было делать! Но как только он об этом узнает...

Он резко поднялся и уже на выходе из кухни услышал негромкий голос жены:

– И все-таки не торопись, Саша.

Пытаясь сосредоточиться на том, что произошло в «гадюшнике» Шумилова, Турецкий сидел перед телевизором, по экрану которого скользили ходульно-бесцветные тени очередной криминально-семейной мелодрамы, замешанной на штампованных соплях и слезах якобы современной действительности, однако что-то мешало ему «войти в тему», и он наконец-то понял ЧТО.

Игнат! Игнат Шумилов, которому он стал крестным отцом еще в те далекие времена, когда Дима жил со своей первой женой, то есть матерью Игната, а теперь он стал взрослым парнем, которого ждет химический факультет Сорбонны. Правда, уже несколько лет как место бывшей жены на супружеском ложе Шумилова-старшего занимает совершенно другая женщина, мачеха Игната, а его мать... Как говаривали когда-то древние римляне, не верь рабу своему и жене – предадут и обманут. А если к тому же на жизненной стезе похотливой бабенки попадется задиристый жеребчик...

Короче говоря, прощайте, муж и дети, – все для любви.

При разводе с женой Шумилову удалось отсудить у нее Игната, хотя, впрочем, она не очень-то и сопротивлялась, и теперь Шумиловы жили новой семьей. И кажется, счастливо.

Правда относительно счастья Турецкий довольно сильно сомневался, хотя сам Шумилов не упускал случая подчеркнуть это. А после сегодняшнего общения с Игнатом, довольно короткого, неприятного и оставившего какой-то осадок на душе, он засомневался еще больше. С его крестником что-то творилось, причем очень серьезное, да вот знать бы только что.

К тому же постоянное требование денег, о чем говорил сегодня Шумилов...

Припоминая нюансы утренней встречи с Игнатом, которая, судя по всему, для парня была столь же неприятной, как и неожиданной, Турецкий вспомнил, что на Игната обратила внимание и Ирина, когда они праздновали его день рождения в загородном доме Шумилова. Но тогда, поддавшись состоянию Димы, который рассказал ему о краже «Клюквы», будь она трижды проклята, он не придал словам Ирины особого внимания, даже забыл, что именно ее встревожило в парне, но сейчас...

Бросив кроссворд на журнальный столик, который он неизвестно для чего держал в руках, Турецкий поднялся с кресла и прошел на кухню, где Ирина что-то готовила к вечернему чаю. Слегка приобнял ее за плечи.

Отвыкшая от подобных ласк, она удивленно покосилась на мужа и с долей иронии в голосе произнесла:

– Чего это с вами, господин Турецкий? Или может желаете опровергнуть свои же собственные слова о надвигающейся импотенции сорокалетних? Так...

– Ну, во-первых, мне уже далеко не сорок, – хмыкнул Турецкий, – а во-вторых... Слушай, ты извини меня за эту резкость и тон... В общем, накатило.

– Бывает, – согласилась Ирина, чмокнув его в щеку. – И все-таки? Что-то вас растревожило, мой дорогой, да вот только обидно, что не я.

– И ты, и еще многое чего.

– А если более конкретно?

– Помнишь, говорила мне, чтобы я обратил внимание на Игната?

– Это когда были в гостях?

– Ну.

– Конечно, помню.

– А что именно тебя встревожило в Игнате? На что я должен был обратить внимание?

Видимо не ожидавшая подобного вопроса, Ирина Генриховна удивленно посмотрела на мужа.

– А с чего бы ты вдруг вспомнил об этом?

– В общем-то, и сам толком не знаю, – вздохнул Турецкий. – Но сегодня, когда я был у Шумилова, встретил у него Игната и...

– Что, уже постигает азы фармацевтической науки? – удивилась Ирина.

– Если бы, – буркнул Турецкий. – Приехал деньги у отца просить.

И он вкратце пересказал о разговоре с Шумиловым-старшим, который хоть и не жалел денег для сына, но уже стал задумываться, на что именно можно тратить такие суммы. «Что он, эти “бабки”, ест что ли?»

– Значит, так оно и есть, – нахмурилась Ирина Генриховна, когда Турецкий закончил свой рассказ. – И если не принять сейчас каких-то срочных мер...

Оборвав себя на полуфразе, она скорбно поджала губы и развела руками.

– Короче говоря, промедление смерти подобно. Причем в прямом и в переносном смысле.

– Я не понимаю, о чем ты?

Ирина Генриховна не спешила с ответом. Наполнила водой «тефаль», присела на краешек «уголка». Все это время Турецкий, словно кошка за мышью, следил за женой. Наконец не выдержал и уже с легким металлом в голосе напомнил о себе:

– И все-таки, о чем ты?

– Видишь ли, Шура, то что я сейчас скажу, это очень страшно и серьезно, можно сказать диагноз, и я... В общем, я бы очень хотела ошибиться, но, как мне показалось, наш Игнат довольно серьезно подсел на наркоту. И если в тот вечер, в доме у Шумилова, я всего лишь обратила внимание на слишком нервное состояние Игната, причем чисто профессионально, как криминалист-психолог, которому довелось поработать с этой категорией клиентов, то этот твой рассказ...

Пораженный услышанным, Турецкий удивленно смотрел на жену. Наконец, в его сознании что-то сдвинулось и он почти выдохнул из себя:

– Ты хоть понимаешь, о чем ты говоришь? Игнат!.. Мой крестник – наркоман!

И засмеялся, злыми глазами уставившись на жену.

– И все-таки, – устало произнесла Ирина Генриховна, – поговори с ним, если, конечно, он на этот разговор пойдет.

– О чем? – взвился Турецкий.

– Да все о том же. Как говорится, лучше перебдеть, чем недобдеть. К тому же он любит тебя и уважает, как только можно уважать сильного, умного человека. А это многое для парня значит.

– Ты это серьезно? – уставился на жену Турецкий.

– Серьезней, Шура, не бывает.

Окончательно взвинченный, в эту ночь Турецкий так и не смог заснуть. Из головы не выходили слова Ирины, которые она уже за вечерним чаем подкрепила конкретными примерами из собственной практики, и теперь он постарался проанализировать поведение Игната как следователь Генеральной прокуратуры России, правда бывший. И анализ этот, долгий и

мучительный, не принес ничего хорошего. Правда, все еще теплилась в душе надежда, что все это чепуха, как говорится, у страха глаза велики. И еще: «Что покажется бабе спьяну, то и черту не приснится». А его Иришка в тот вечер была явно не трезва.

И все-таки в восемь утра он позвонил на мобильный номер Игната и, когда тот отозвался не очень-то бодрым голосом, произнес, откашлявшись:

– Привет, крестничек. Не разбудил, случаем? А то уж голос у тебя слишком сиплый да заспанный.

Явно удивленный телефонным звонком дяди Саши, Игнат только и нашелся, что пробормотать невнятно:

– Кто рано встает, тому бог подает.

– Вот и я о том же, – согласился с ним Турецкий. И тут же: – Встретиться бы надо. Как говаривают мои подопечные, тему перетереть.

– А... а о чем разговор? – насторожился Игнат.

– Не сейчас, на месте расскажу.

– Ну-у, – замаялся Игнат, видимо пытаюсь сообразить, с чего бы это он мог понадобиться «важняку» Генеральной прокуратуры России и его крестному отцу. Вроде бы всего лишь вчера виделись, а сегодня...

– Не мычи, – напомнил о себе Турецкий, – говори, когда и где. Разговор этот для нас обоих важен.

– Ну-у, может на следующей неделе? – предложил Игнат. – А то у меня сейчас зачет по курсовой.

– Ну, времени, положим, я у тебя много не отниму, – урезонил его Турецкий, – и курсовую ты, надеюсь, защитишь. Так что не будем откладывать дело в долгий ящик и встретимся не через неделю, а в это воскресенье.

– Хорошо, – без особой радости в голосе согласился с ним Игнат. – В таком случае, в парке, часов в одиннадцать. Я там обычно с девушкой своей гуляю.

Глава 2

Понимая, что без дотошно-кропотливого анализа происшедшего в лабораторном корпусе фармацевтической компании Шумилова неделю назад ему не разобраться в тех взаимоотношениях, которые сложились между людьми, завязанными на «Клюкве», Плетнев заперся в отведенном ему кабинете, заварил кружку кофе и тяжело опустился в кресло, едва ли не поминутно припоминая тот день и час, когда он, уже в качестве нового начальника службы собственной безопасности, появился на фирме.

«Выходит, сами решили с людьми познакомиться?» – уточнил Шумилов, когда он попросил его до поры до времени не представлять сотрудникам фирмы.

«Думаю, так будет лучше».

В хранилище лаборатории его провел Георгий Клочков, лаборант, который более охотно отзывался на имя Гоша. В ночь кражи он находился в лаборатории, и как сказал Шумилов, видимо, полностью доверявший парню, был в курсе всех событий.

В окно, через которое ушел преступник или преступники, уже вставили новое стекло, подключили сигнализацию, все вроде бы было тип-топ, однако прямо под окном проходила улица, по которой день и ночь и ночь сновали машины, и уже один этот факт не мог не привести на определенные размышления. Это окно было самым уязвимым местом в системе внутренней охраны лабораторного корпуса, и преступник знал об этом. А это... это уже дополнительная информация для размышления.

Отхлебнув глоток обжигающего кофе и восстанавливая в памяти закрывшееся в мозги подозрение, что «Клюкву» похитил кто-то из своих, то есть людей, работавших на проекте Шумилова, Плетнев вдруг вспомнил, как позади него раздался голос Гоши:

«Через это окно преступник и убежал. Мы с Модестом выскочили, а он, паразит...», – и замолчал, махнув рукой.

«Модест, это кто?»

«Охранник. Ну-у, с которым мы на посту были», – довольно резво пояснил Гоша, однако тут же замолчал, видимо, сообразив, что сморозил что-то лишнее.

«Мы – это вы и Модест?»

«Да».

«Но вы – лаборант. И у меня вопрос: что вы делали на посту охранника?»

Гоша замялся и как-то очень уж вяло и неуверенно промямлил:

«Да как вам сказать... Ночами, когда идет режим обкатки и вся работа заключается в том, чтобы вести журнал испытаний, бывает довольно скучно, вот мы и ходим порой друг к другу в гости. Чайку попить, перекусить...»

«Хорошо, оставим этот вопрос и вернемся к нашим баранам. Вы видели того, кто сиганул в окно?»

«Да, конечно! – радостно сообщил Гоша. – Но только на мониторе».

«И как он выглядел?»

«Ну-у, весь в черном... а на голове капюшон».

Видимо, понимая ущербность своих показаний, Гоша попытался тут же реабилитироваться:

«Да, он был весь в черном, но когда мы с Модестом прибежали сюда, то почти одновременно с нами, только через другую дверь, сюда же вбежал и Савин. Мы даже испугались, увидев его, настолько неожиданно это было. А еще секунд через двадцать вбежали сначала Кокин, старший научный сотрудник, начальник Савина, а потом уже и наш академик, Ясенев.

«Выходит, вас там было пятеро? Точнее говоря, четверо, не считая охранника. И все завязаны на “Клюкве”?»

«Да».

«И что же вы все делали в столь поздний час в лабораторном корпусе?»

«Работали, – не очень-то уверенно произнес Гоша. – Здесь все работают на совесть. А я, когда на электричку опаздываю, даже ночью здесь».

Припоминая не очень-то уверенные пояснения Гоши, который словно оправдывался в том, что у Шумилова все работают на совесть, Плетнев вспомнил, как обратил внимание на окурочек, валявшийся на полу под окном.

«У вас что, и курить в лаборатории можно?»

«О чем вы говорите! – возмутился Гоша. – Шумилов за это голову оторвет да еще и премий лишит. Курят двумя этажами выше, в курилке».

«А откуда же тогда этот окурочек?»

«Не знаю, – развел руками Гоша. – Но в ту ночь, помню, здесь целая куча окурочков валялась...»

Это уже было что-то. Судя по всему, притаившийся у окна преступник довольно долго поджидал своего напарника, который должен был подогнать к окну машину, и когда тот подал знак...

Впрочем, все это было на стадии предположения, которое само по себе ничего не стоило.

В тот же день ему удалось переговорить с академиком Ясеныным, и он даже стал невольным свидетелем словесной перепалки между Савиным и его начальником, Кокиным. И разговор этот, который Плетнев едва ли не дословно восстанавливал сейчас в памяти, теперь казался ему уже не таким пустяшным, как в первый момент.

...Продолжая знакомиться с сотрудниками фирмы Шумилова, он на секунду задержался перед дверью той самой лаборатории, из которой только что увезли труп Савина, как вдруг услышал возбужденные мужские голоса:

«...и потом, эти ваши бесконечные намеки и подначки. Я же вижу, как вы смотрите на меня, как улыбаются высокомерно. Вы же считаете меня полным неудачником и еще черт знает чем, а я, между тем...»

«Послушайте, Кокин, ваша мнительность и подозрительность может сравниться только с моим терпением. Вы что, пришли мешать мне работать?»

«Я?.. Мнительность и подозрительность... Да как вы смеете?! К тому же, Савин, вы совершенно забываете о том, что вы всего лишь младший научный сотрудник, младший! А я – завлаб и старший научный сотрудник! И вам, Савин, следует...»

«Вот именно, что “завлаб”, – послышался насмешливый голос. – К тому же, Кокин, мы не в армии, и... В общем, Кокин, скажу вам правду. Вы не научный сотрудник... да-да, и не возмущайтесь этим фактом, вы просто клещ, присосавшийся к нашему академику».

В тот момент Плетнев подумал даже, что этот самый Кокин после подобного оскорбления вцепится в лицо Савина, и он уж подумывал было вмешаться, однако вместо ожидаемой драки послышался какой-то очень спокойный, с откровенной язвинкой голос Кокина:

«Хорошо, пусть будет по-вашему, хотя, на самом деле, я довольно неплохой ученый и экспериментатор, который хорошо знает, чего он стоит. А вы, Савин, гений вы наш, признайтесь, наконец-то, с чего бы вдруг вы столь поспешно вернулись в Россию? Вас что, выгнали из Франции? Взашей?»

Раздался короткий смешок и тут же:

«Ах, Кокин-Кокин, тип зловредный! Я же не спрашиваю вас, с чего бы это вы оказались в ночь кражи в лаборатории, причем в халате наизнанку, тогда как за пять часов до этого вы ушли вроде бы домой?..»

«Что вы этим хотите сказать?!» – взвился неприятно резкий голос Конины.

«Ничего, я просто спрашиваю».

Долгое, очень долго молчание – видимо, они просто поедали глазами друг друга, и наконец угрожающий голос Кокина:

«Ну, С-с-савин, вы еще пожалеете!»

За дверью послышались торопливые шаги, и Плетнев вошел в лабораторию – в тот момент, когда через вторую дверь буквально выскочил Кокин, а Савин левой рукой, явно нервничая, пытался достать из пачки сигарету. Правая рука была перевязана, о чем тут же Плетнев и спросил.

«Обжегся, – каким-то бесцветным голос произнес Савин. – О колбу с азотом, когда услышал рев сигнализации. Вздрогнул от неожиданности и...»

Замолчал было, не очень-то приветливо уставившись на незнакомого плечистого мужика, и тем же бесцветным голосом произнес:

«Догадываюсь, что вы здесь относительно кражи нашего изделия, но вы ошиблись адресом, это не ко мне. Вопросы еще будут?»

Вопросы были – и к Савину, и к Кокину. Но в первую очередь к Кокину: «Что он делал в лаборатории в три часа ночи, тогда как домой ушел в половине одиннадцатого?» Этот же вопрос можно было задать и Савину, однако он, как один из ведущих сотрудников фирмы, мог выложить не менее десятка вариантов ответа на этот вопрос, и Антон решил оставить его на потом.

Потягивая из кружки уже остывший кофе, Плетнев вдруг подумал о том, что научный состав шумиловской фирмы – это какой-то змеепитомник, а не компания единомышленников, как хотел бы представить сам Шумилов. И подозрение в краже изделия могло упасть на любого, кто в ту ночь находился в лабораторном корпусе. А это академик Яснев, завлаб Кокин, младший научный сотрудник Савин, лаборант Гоша, охранник да еще уборщица, которая, в основном, убирала в лабораторном корпусе ночами. Так, видимо, и ей было удобнее, да и не мешала своим присутствием мыслительному процессу сотрудников фирмы.

Правда, той же ночью в корпусе находился и Глеб Шумилов, вице-президент фирмы и двоюродный брат Хозяина, но если на него в тот момент не могло упасть даже капли подозрения в краже «Клюквы», то сейчас, когда убит Савин, а сам Глеб Шумилов растворился в Москве, как в колымской тайге, и его не могут найти ни по каким телефонам, дело обстояло иначе. Да и охрана...

Детский сад какой-то, а не охрана! Тот же Модест оставляет свой пост и уходит на внутренний дворик «покалякать» с корешком-водилой, после чего чешет языком уже в лабораторном корпусе с молодым Гошей, который неизвестно зачем околачивается на посту охраны, умудряется прозевать грабителя, который хорошо знает, что где лежит и как проще всего уйти с охраняемой, казалось бы, территории фирмы.

И снова Плетнева озадачила мысль, которая посетила его еще в первый день знакомства с компанией Шумилова, но никак не желала выстраиваться в законченную версию.

«А может, и не детский сад вовсе? И все эти якобы “случайные накладки” в ночь похищения “Клюквы”...»

Далее для него лично шло сплошное отточие, но сейчас, когда в лабораторном корпусе произошло еще одно преступление, на этот раз уже убийство сотрудника, по поводу которого у Плетнева были подозрения в краже шумиловского изделия, по крайней мере в соучастии, он уже не мог не думать о причастности ко всем этим событиям Шумилова, вице-президента компании, бывшего начальника службы безопасности. Ведь не такой же он идиот и дурак, чтобы не замечать того, что творилось в его ведомстве! А если видел, знал об этом и, судя по всему, способствовал?..

М-да, информации для размышлений было более чем достаточно, да толку от этого было пока что мало. Глеб Шумилов, судя по всему, в бегах, а Савин, главный подозреваемый в попытке кражи иммунномодулятора, уже лежит в морге.

В памяти всплыл охранник с редким именем Модест. Мужик, видимо, много чего знал, может быть о чем-то догадывался, и время от времени, когда его прижимал Плетнев, выдавал ему порционную информацию. Дал он довольно скудную, но целенаправленную информацию относительно кражи из хранилища лабораторного корпуса:

«А вы нашего прилизанного как следует тряхните, – посоветовал он, – Савина. Когда мы с Гошей увидели его около окна, из которого сиганул на улицу преступник, то у него рука была порезана, да и весь карман в крови. Гоша видел, подтвердит».

Плетнев пытался взбодрить себя довольно крепким кофе и думал о том, что тот клубок с множеством оборванных концов, который он вроде бы стал разматывать, дергая то за одну, то за другую ниточку, распутать окончательно ему одному явно не под силу. Работать мешали родственные и просто дружественные отношения между ведущими сотрудниками фирмы и Шумиловым, которые вставали на его пути всякий раз, когда надо было прижать того или иного промокашку, которые входили в бригаду разработчиков «Клюквы». И самый красочный тому пример – разговор с Савиным, на которого показал Модест как на возможного соучастника кражи.

...В то утро – а было это всего лишь несколько дней назад – Плетнев, убедившись, что Кокина нет на месте, самолично пришел в лабораторию Савина и, стараясь выдерживать максимально доброжелательный тон, произнес:

«Поговорить бы надо».

«Да, конечно, – встрепнулся Савин, и не надо было изучать в академии основы психологии, чтобы догадаться о его явно неадекватной нервозности. – Конечно! Только о чем? Я ведь, кажется, и так все рассказал».

«Вы не рассказали главного...»

«Чего?»

«Почему вы не сказали, что порезали о стекло руку?»

«К-какое... какое стекло? – вскинулся на него Савин. – Я... я не понимаю вас! И я... я уже сказал, что это был ожог».

«Хорошо, пусть будет ожог. Но почему в таком случае ваш халат был в крови?»

Он хорошо помнил, как дернулась щека Савина.

«И что с того? – повысил он голос. – Я обжегся о колбу с азотом, а это... Вы никогда в детстве не прижимали язык к железу на морозе? Так вот, это примерно то же самое, с той только разницей, что здесь минус двести. И у меня... у меня открытая рана».

«Хорошо, пусть будет так, – вынужден был принять его версию Плетнев. – Но вы при первом нашем разговоре сказали мне, что перевязывали рану. А между тем на полу хранилища была кровь. Причем появилась она там еще до того, как прибежали охранник с Гошей».

«И что, именно они вам об этом и сказали?» – резко бросая слова, произнес Савин.

«Это не имеет значения, кто и что сказал. Объясните мне, что вы там делали в три часа ночи?»

Он хорошо помнил, как замялся Савин, и после затяжной паузы как-то очень вяло произнес:

«Хорошо... Я выбежал из лаборатории, когда услышал звон разбитого стекла. Увидел высаженное кем-то окно и сразу же подбежал к нему. Поначалу даже подумал, что кто-то с улицы бросил камень. И вот в тот момент... В общем, нечаянно порезался о стекло».

«И что, вы увидели кого-нибудь?»

«В том-то и дело, что нет. Насколько я понимаю, этот кто-то успел скрыться за углом ближайшего здания или же... или же его поджидала машина. И еще... Под тем окном я заметил какой-то продолговатый предмет, похожий на урну. Но людей... людей там не было».

У него не было на тот момент оснований не верить Савину, и он задал вполне естественный вопрос:

«Но почему в таком случае вы побежали в свою лабораторию, а не стали кричать, звать, в конце концов, на помощь?»

Плетнев хорошо помнил, как замялся Савин. Судя по всему, ему не очень-то приятно было отвечать на это вопрос. Однако Плетнев ждал, и он негромко произнес:

«Я... я испугался, что меня застанут около окна».

«И подумают, что это вы высадили его урной?»

«Да».

«Но почему? У вас что, проблемы с совестью?»

Савин тогда промолчал, угрюмо уставившись в пол, и Плетнев вынужден был сказать ему:

«Подписку о невыезде, конечно, я взять с вас не могу, но... В общем, у меня к вам просьба... пока идет следствие, не покидайте города».

Говоря о подписке о невыезде, он уже загодя знал, что Савин пожалуется на него Шумилову, но теперь все это уже не стоило выеденного яйца.

Перебирая один за другим возможные варианты участия Савина в краже шумиловского детища, за которое, по его словам, самые крупные фармацевтические компании Европы и той же Америки готовы были выложить любые деньги, Плетнев вдруг подумал о том, что это вполне предсказуемая смерть исполнителя. Лишние свидетели никому не нужны, тем более в промышленном шпионаже, а те, кто заказал и оплатил кражу «Клюквы», не могли не догадываться, что подозрение в первую очередь падет именно на Савина. И тот человек, который руководил его действиями, – а это кто-то из ведущих сотрудников Шумилова – обезопасил себя лично и уведенную из спецхранилища разработку, убрав Савина.

Как говорится, баба с воза – кобыле легче.

Отхлебнув еще глоток остывающего кофе, Плетнев достал из стола чистый лист бумаги и выписал на нем фамилии тех сотрудников компании, которые, по его убеждению, могли быть замешаны в краже иммуностимулятора. Подумал немного и напротив трех фамилий поставил по восклицательному знаку.

Глеб Шумилов.

Академик Ясин.

Старший научный сотрудник Кокин.

Подумал еще немного и поставил напротив фамилии Кокина еще один восклицательный знак. Ему не давала покоя фраза, брошенная в сердцах Кокиным:

«Ну, С-с-савин, вы еще пожалеете!»

Что? Что хотел он этим сказать, угрожая Савину?

Глава 3

День был на редкость солнечным, хотя почти всю ночь напролет шел дождь, и Турецкий уже в половине одиннадцатого фланировал по аллеям парка, мысленно прокатывая предстоящий разговор. Было бы все, конечно, проще, если бы Игнат пришел один, но он обещал быть с девушкой, поставив тем самым своего крестного отца в довольно неловкое положение. Не станешь же при незнакомой девчонке, может быть, вполне приличной, из хорошей семьи, предъявлять ему обвинения в употреблении наркотиков. В такой ситуации парень и послать может, причем очень и очень далеко. Тем более, что у них, кажется, серьезная завязка произошла, если он в этом парке «обычно с девушкой своей гуляет».

И от этой фразы, которая крутилась у него в голове, как заезженная пластинка, Турецкий уже начинал злиться и на себя, и на Игната, и на девушку, которая, вероятно, даже не догадывалась о том, что ее друг пристрастился к наркоте. А может, и догадывалась, но молчала до поры до времени, надеясь, что все образуется само собой. Мол, побалуется мальчишечка – и будет. Кто из юных да ушлых в свои семнадцать лет не хотел попробовать все той же травки? Правда, его самого с Ириной сия чаша стороной обошла. Дочь не только наркоту, но даже пива, столь любимого в молодежной среде, не хотела пробовать. А упускать такого парня, как Игнат, нудными наставлениями... М-да.

Еще не было и одиннадцати, когда Турецкий увидел Игната. С девушкой. Которая была гораздо старше его, по крайней мере, так показалось Турецкому, однако он не придал этому никакого значения – сам в юности любил тех, кому далеко за двадцать. Они и опытней и податливей, да и вообще с ними было гораздо интересней, чем с теми же одноклассницами, которые даже целоваться толком не умели, не говоря уж о чем-нибудь более интересном.

Они толкались в небольшом открытом тире, и даже со стороны было видно, что Игнат в ударе. По крайней мере, со стрельбой у него получалось неплохо, и он чувствовал себя настоящим героем, который мог бы стрелять и навскидку, и даже сразу из двух рук, по-македонски.

Подходя с тыльной стороны к тире, Турецкий услышал задиристую похвальбу Игната:

– Ну вот, а вы боялись, мисс Манипэни. Упакуйте всех этих северных корейцев в праздничную коробку, перевяжите красной ленточкой и отправьте с посыльным на день рождения славному дядюшке Ким Ир Сену.

Девица смеялась, заливисто и открыто, как только может смеяться не отягощенный житейскими заботами человек.

Уже будучи в пяти метрах от этой счастливой парочки, Турецкий интеллигентно кашлянул, и на этот его кашель тут же обернулся Игнат.

– О! А вот и дядя Саша! А мы уж хотели идти к входу, чтобы встретить вас.

Он был явно рад этой встрече, и Турецкий вдруг подумал, что видимо зря погнал пену, наслушавшись речей Ирины.

– Знакомьтесь, дядя Саша, это Настя, моя любимая девушка. А это, Настюха, мой дядя Саша, о котором я тебе столь много рассказывал.

– Небось, всякие небылицы? – хмыкнул Турецкий, исподволь оценивая девицу, в которую действительно невозможно было не влюбиться, тем более когда тебе, дурачку, всего лишь семнадцать лет, и гормоны играют так, что аж перепрыгивают друг через дружку.

– Отчего же небылицы? – обиделся Игнат. – Только правду, боевую правду следователя по особо важным делам Генеральной прокуратуры России товарища Турецкого.

– Ладно, будя, – урезонил не в меру разошедшегося крестничка Турецкий. – Тем более, что все это далеко не так.

– Все, товарищ комиссар, будя! – съерничал Игнат, дурашливо отдавая честь. – Тем более, что вы не просто так захотели встретиться со мной. Или я неправ?

– А почему бы мне и не погулять с тобой при хорошей погоде? – хмыкнул Турецкий. – Погулять и поговорить. Как никак, а я все-таки твой крестный отец.

Его уже стала настораживать излишняя настырность Игната, которую тот хотел спрятать под бесшабашной веселостью.

– Или, может, я неправ?

– Правы! Вы всегда и во всем правы, – поднял руки Игнат. – Но в таком случае позвольте мне угадать, о чем будет разговор?

Парня несло, и Турецкий что-то не мог припомнить случая, когда бы он разговаривал с ним в подобном ухарском тоне. Может, все-таки сказывалось присутствие этой девицы, в общем-то, довольно интеллигентной, которая всем своим видом показывала, что лично ее этот разговор пятидесятилетнего мужика с крестником не касается.

– Хотите сделать мне предложение, от которого я не смогу отказаться?

– Пожалуй, – согласился с Игнатом Турецкий. – Но это чуть попозже, как говорят в Париже. А сейчас... Слушай, Игнат, тебе не кажется, что наша милая Настя заскучала? Может, попросим ее купить мороженое?

– Ага... а мне – сладкую вату, – кисло улыбнулся Игнат.

Он не хотел, чтобы Настя уходила, видимо, чувствуя в ней какую-то внутреннюю поддержку, однако Турецкий уже доставал из кармашка сотенную ассигнацию.

– Настя, в честь нашего знакомства. Три самых лучших на ваш вкус.

– Ага, а мне – сладкую вату, – повторил Игнат и повернулся к Турецкому. – Она ушла, говорите. Ведь вы хотели, кажется, что-то предложить?

– А может, по пиву? – негромко произнес Турецкий. – А то... сладкая вата, сладкая вата... Тебе уже можно.

Игнат как-то искоса взглянул на своего крестного.

– Я не пью пива. Да и вообще алкоголь не принимаю.

– С чего бы так? – искренне удивился Турецкий.

– Не понимаю этого кайфа.

Это уже была подстава, которой Александр Борисович не мог не воспользоваться:

– А какой тебе кайф больше по душе? Наркотики?

Было видно, как на какое-то мгновение Игнат стушевался, однако тут же заставил себя собраться и даже вскинул на Турецкого удивленно-обиженный взгляд.

– О чем это вы?

В его голосе чувствовалась напряженная нервозность.

– Да все о том же, – совсем буднично ответил Турецкий. Так, будто речь шла о леденцах, а не о наркотиках. – А чтобы дальше ваньку не валять, должен тебя предупредить: я сам в твоём возрасте был чемпионом в тяжелом весе по вранью, так что... – И уже почти кричащим шепотом: – На чем сидишь? Где берешь эту дрянь?

Он думал, что его Игнат, его крестник, моментально расколется и возможно даже будет умолять его ни о чем не говорить отцу, однако вышло далеко не так, как он ожидал.

– Вас что, папа прислал? – Глядя в сторону, отозвался Игнат.

– Зачем же папа? Пока это моя инициатива.

На каменном до этого лице Игната запечатлелось нечто похожее на презрительную ухмылку.

– Ну-ну, – протянул он. – Выходит, сами, по личной инициативе. Так вот, дядя Саша. Никаких наркотиков я не принимаю и никогда не принимал. Так что у вас неверная насчет меня информация. Деза, как говорят в милиции. Кому-то, видимо, срочно потребовалось опорочить сына Дмитрия Шумилова.

Он замолчал было, однако тут же добавил, презрительно усмехнувшись:

– Видимо, из-за той же «Клюквы».

– Какой еще клюквы? – поначалу даже не понял Турецкий.

– Да той самой, над которой отец так долго работал и которую у него украли.

Почти шокированный подобной наглостью, Турецкий смотрел на Игната.

Крестник! Сын Димы Шумилова и его единственная надежда и опора. Будущий студент Сорбонны... Вот и гадай теперь, где спрячется добродетель.

– Ты... ты что, издеваешься надо мной? – с трудом подбирая слова, выдохнул Турецкий. – Неверная информация?... Деза и клюква? Если уж на то пошло и ты стал таким ушлым, я устрою обыск в твоей комнате, и ты уже отправишься не в Сорбонну, а на зону, где придется посидеть годик-другой за хранение! Врубаешься, надеюсь? Или отправлю на принудительное лечение. Ты что, засранец, этого хочешь?

На его скулах вздулись желваки, стало трудно дышать, но чем больше он злился, тем спокойнее и вальяжнее становился Игнат. Теперь уже в его глазах плескалось откровенное презрение. Да еще, пожалуй, с трудом скрываемая ненависть.

– Ах да, – наконец-то выдал из себя, – я совершенно забыл, что вы такой большой милиционер. И устроить можете любой шмон, любой произвол.

– Щенок! – взорвался Турецкий. – И вот тебе мое условие. Или ты идешь к отцу и все ему рассказываешь, после чего кончаешь с наркотиками, или...

И замолчал, начиная понимать, что откровенные угрозы здесь не помогут.

– Что, прямо сейчас идти? – заинтересованно спросил Игнат, не дождавшись окончания фразы.

– Да, прямо сейчас!

– Но сходу решиться на такой шаг... Вы позволите мне подумать?

– Подумай!

– В таком случае я покину вас на пару минут.

– Можешь даже на пять минут.

– Спасибо, дядя Саша, – иронически расшаркался Игнат и тут же скрылся за тиром.

Почти сразу же подошла Настя с тремя брикетами сливочного пломбира в целлофановом пакете. Она была не в себе и смотрела на «дядю Сашу» полными ужаса глазами.

– Ты что, слышала наш разговор? – злясь на себя за несдержанность, мрачно спросил Турецкий.

– Я... совершенно случайно.

– И что?

– Он что... Игнат... действительно наркоман?

– А ты что, не замечала?

– Ну-у, – замялась Настя, – вроде бы что-то замечала в последнее время, но предположить, что он наркоша...

– Наркоша, мать вашу! – взорвался Турецкий. Однако тут же взял себя в руки и уже спокойнее произнес: – Он, кажется, действительно любит тебя, да, любит, и ты... ты смогла как-то повлиять на него?

– Не знаю, – замялась Настя. – Но я... я попробую.

– Уговоры, думаю, не помогут.

– Я знаю, он слишком упрямый, но я...

Она, кажется, приняла решение.

– Он действительно меня любит и не захочет расстаться. А если я сейчас уйду... Да, я уйду и не буду ему звонить. И пусть он делает выбор – либо я, либо наркотики. Передайте ему, пожалуйста, это.

И ушла, сунув в руку Турецкого целлофановый пакет с мороженым. Единственное, что успел заметить Турецкий, так это то, что на ее глазах наворачивались слезы.

Растерявшийся от столь решительного и в то же время кардинально-жесточкого поступка Насти, что уже требовало определенного уважения, Александр Борисович даже не заметил, как откуда-то из-за кустов вынырнул Игнат. Вздвигнуто-счастливый, может быть, излишне веселый и совершенно не похожий на того Игната, который всего лишь минут пятнадцать назад ненавидящими глазами пялился на своего крестного. И не надо было заканчивать курсы криминалистов-психологов, чтобы определить истинное состояние парня.

«Щенок паршивый!» – мысленно выругался Турецкий, понимая, что его крестничек обвел маститого «важняка» Генеральной прокуратуры России вокруг пальца, как начинающего недоумка-стажера. Впрочем нынешние стажеры, хваткие да ушлые, в этих вещах разбираются, пожалуй, лучше, чем он, почивающий на лаврах седеющий маразматик.

Времечко, мать его!

– А где Настя? – спросил Игнат, заметив в руках своего дяди Саши целлофановый пакет с мороженым.

Турецкий вдруг почувствовал, как в его груди разбухает какая-то жуткая волна злости и жалости одновременно.

Сунул в руку Игната пакет и, едва сдерживая себя, чтобы только не сорваться и не накричать на парня, который, оказывается, уже данным давно вырос из детских штанишек и пошел по жизни своим собственным, но очень страшным путем, осевшим голосом произнес:

– Что, уже закинулся? Невмоготу было? Даже не мог дожидаться, когда разговор закончим?

Он говорил эти слова, в общем-то, совершенно пустые и никчемные в данной обстановке, смотрел на Игната и видел, как тот превращается снова в ошетилившегося, злобного зверька.

– Ну что ж, если тебе это помогло...

Однако Игнат уже не слушал его.

– Где Настя? – повторил он, шаря глазами вокруг себя.

– Ушла.

Игнат уставился колючками глаз на Турецкого. И единственное, что в них можно было сейчас прочесть, это абсолютное непонимание всего, что происходит. Словно он вынырнул из другого мира.

– Как ушла? Куда?

Тянуть резину не имело смысла, и Турецкий как можно спокойнее произнес:

– Да, ушла твоя Настя. Правда, куда ушла, не знаю.

Игнат дернулся было в сторону кустов, и Турецкий, чтобы только успеть сказать главное, заторопился:

– Слушай меня! Настя просила передать, что не вернется к тебе до тех пор, пока ты не станешь нормальным человеком. Ты слышишь, нор-маль-ным человеком!

Он хотел было еще добавить, кому, мол, захочется связывать свою жизнь с наркоманом, но Игнат уже не слушал его. Его кулаки сжались, и было видно, что он едва сдерживает себя, чтобы не наброситься на того, кого только что уважительно называл «дядя Саша».

– Да как вы... как вы смели?!

На него было страшно смотреть, и Турецкий решительно выдвинул свой последний довод:

– У тебя двадцать четыре часа. И если ты за это время не предпримешь чего-либо кардинального, я имею в виду относительно лечения, то я сам пойду к твоему отцу.

– Да плевать я хотел на вас и на моего отца! – взвился, истерично завизжав Игнат. – А вы... ты – отвратительный мент! Мент, мент, мент! И не смей приближаться ко мне!

Его лицо, бледное до этого, покрылось красными пятнами, в уголках рта появилась пена, он выкрикнул еще что-то – резкое, злое и обидное, и, спиной отступая от Турецкого, словно

боялся, что он схватит и заламает его в самый последний момент, кинулся через кусты в глубину парка.

– Вот и поговорили! – пробормотал Турецкий, растирая ладонью левую сторону груди. Даже в страшном сне ему не могло присниться подобное.

Игнат! Чтобы Игнат, его крестник...

Не в силах успокоиться, Турецкий по пути к дому купил бутылку коньяка, и уже по тому, КАК он поставил ее на журнальный столик в прихожей, Ирина Генриховна поняла, что нужного разговора не получилось, а если и «поговорили» крестный с крестником, то не так, как хотелось бы.

– Что, облом? – спросила она, забирая бутылку, чтобы отнести ее на кухню.

Турецкий пожал плечами.

– Не знаю пока что, но...

И он, устало опустившись на диванчик, рассказал о том, что произошло между ним и Игнатом в парке. Не забыл сказать и о Насте.

Ожидал ответной, бурной реакции со стороны жены – могла бы и поддержать его эмоционально, но вместо этого Ирина Генриховна неожиданно спокойно спросила:

– Ну и как она тебе?

– Кто? – поначалу даже не понял Турецкий.

– Настя!

Он уставился на жену вопросительно-непонимающим взглядом и уже совершенно сбитый с толку мрачно произнес:

– Я... я не понимаю тебя.

– А чего тут понимать? – искренне удивилась Ирина Генриховна. – Ты отдал судьбу Игната в руки этой девушки, и я хотела бы знать, те ли это руки, которым можно было бы довериться. Причем в таком деле.

– Ну-у, я не знаю, конечно, – замялся Турецкий, – но первое впечатление вполне приличное. К тому же она восприняла эту новость так, что...

– Новость... – хмыкнула Ирина Генриховна, доставая из холодильника бутылку «Боржоми», сыр и какую-то зелень, что осталась от ужина. – Это для тебя, мой дорогой, новость, а для нее, думаю... Впрочем, не знаю. Возможно, что он скрывал свою зависимость и от нее. Действительно боялся потерять.

– Ты... ты сказала «зависимость»? – сделал «стойку» Турецкий. – Но ведь это же...

В его словах звучала растерянность.

– А ты что же думал? – осадила его Ирина Генриховна. – Он в первый раз укололся или тех же колес наглотался, что даже не смог перебороть себя, чтобы до конца разговор довести? Куда-то в кусты, как ты говоришь, метнулся. Это, милый мой, уже зависимость, и я многое бы отдала, чтобы это была всего лишь начальная стадия болезни.

Переваривая услышанное, которое для него действительно оказалось «новостью», Турецкий молча смотрел на жену. Наконец, уже совершенно убитым, потускневшим голосом произнес:

– Что делать, Ира?.. Может, Шумилкову позвонить? У него толковые врачи, знакомства...

Он уж было потянулся рукой за мобильником, однако Ирина Генриховна остановила его.

– Ни в коем случае! По крайней мере, только не сейчас.

– Но почему? Он же отец! Поймет! Поможет!..

– Даже не сомневаюсь, что он его отец, причем любящий отец, однако насчет всего остального – «поймет» и «поможет»... Во-первых, для него это будет страшным ударом, он запаникует, начнет кричать на парня, а в том состоянии, в котором сейчас находится Игнат... И особенно после того, как ушла Настя...

- Так что же делать? – взвился Турецкий. – Пустить все это на самотек?
- Я этого не говорила.
- Так что же?

Ирина Генриховна достала из шкафчика небольшие хрустальные рюмки, кивнула мужу, чтобы открывал бутылку, с силой потерла виски.

– Я одно знаю хорошо. Сейчас нельзя предпринимать по отношению к нему каких-то силовых действий, но и одного, без пригляда, оставлять тоже нельзя. К тому же неплохо было бы узнать, у кого он отоваривается наркотой, и перекрыть этот канал.

- Ты хочешь сказать, приставить к нему наружку?
- Если найдешь такую возможность, это был бы идеальный вариант.
- Так, может, позвонить Васильеву?

– Не вариант, – качнула головой Ирина Генриховна. – Можем парня подвести под монастырь. Мы же о нем совершенно ничего не знаем.

- В таком случае, кто-нибудь из наших?
- Пожалуй. Да вот только, кто?

«Действительно, кто? – задумался Турецкий. – На Плетневе теперь висит не только “Клюква”, но и убийство Савина. Бородатый Макс не в счет – свою толстую задницу он уже от стула отодрать не может, словно прикипел к компьютеру... Голованов?»

Он покосился на жену, которая в этот момент нарезала сыр.

– Как думаешь, смог бы Сева взять это на себя? После того, что случилось с Филей, он сам не свой ходит.

– Вообще-то, он уже загрузил сам себя убийством какой-то антикварной старушенции, но... попробуй поговорить с ним.

Глава 4

Турецкому не стоило большого труда уговорить Голованова «поводить денек-другой» семнадцатилетнего парня, успевшего подсесть на иглу, и Всеволод Михайлович уже второй день маялся от безделья в своей машине, припарковавшись неподалеку от школы, в которой учился Игнат Шумилов. Судя по поведению парня, тот пытался совместить наркоту с добро-совестной учебой, и каждое утро, загруженный учебниками, шел в школу, которая находилась на том же Кутузовском проспекте, в двух кварталах от дома, в котором жили Шумилов: отец, сравнительно молодая, красивая мачеха и сам Игнат. Судя по всему, парень по-настоящему увлекся перспективой Сорбонны и делал все, по крайней мере, старался делать все, чтобы достойно закончить школу.

Дураки даже в Сорбонне не нужны, даже заплаченные богатенькими родителями.

Третий день сопровождая Игната от подъезда дома, отслеживая его приятелей, с которыми он встречался в течение дня, и присматриваясь к его состоянию, Голованов уже совершенно точно мог сказать, что отоваривается парень либо в самой школе, где могла работать хорошо законспирированная группа мелких распространителей геры или тех же «колес», либо где-то на стороне, после уроков или вечером, когда еще отца не было дома, а мачеха занималась своими собственными делами. Голованов склонялся к «вечернему» варианту как к наиболее приемлемому, однако тот факт, что Игнат в это утро поехал в школу на мотороллере, который он оставил на парковке перед школой, заставил его насторожиться. Во-первых, зачем бы парню лишняя головная боль, если до школы всего лишь пятнадцать минут хода, а во-вторых...

Уж слишком возбужденно-нервным он показался Голованову, когда выкатывал во двор дома свою новенькую блестящую игрушку. Похоже, закончились домашние запасы, и он уже чувствовал себя как сатанеющий волк в загоне, которому во что бы то ни стало надо прорваться за флажки. Впрочем, до волка, конечно, этому щенку далеко, а вот насчет все усиливающейся зависимости и, возможно, даже исподволь накатывающей ломки, которую он, видимо, боясь отца, все еще пытается скрыть от окружающих, вот тут вполне вероятно, хотя и не факт.

Привыкший в свою армейскую бытность к многочасовым засадам, Голованов покосился на часы – до конца уроков оставалось не более получаса, – прикрыл глаза и откинулся на спинку сиденья. И тут же, будто проклятая память давно поджидала этого момента, перед глазами застрекотали почти киношные кадры недельной давности, когда смерть прихватила своими лапками могучее сердце Агеева, и хирурги сделали все возможное и невозможное, чтобы вытащить Агеева уже с того света.

Агеев на тот момент вышел на особого опасного преступника, убийцу, который из-за своей ненависти к русским убил ни в чем неповинного парня, бывшего морского пехотинца, и теперь оставалось только взять его, но взять на очередной мокрухе, то есть в момент истины, и вот тогда-то Агеев и подставил самого себя.

...К одиннадцати вечера народу в ресторане набилось более чем предостаточно, а три столика даже были вынесены на эстрадную площадку, на которой незадолго до этого крутили «танец живота» аппетитные девахи, явно немосковского разлива. То ли Украина, то ли Молдавия, но скорее всего – Закарпатье. Агеев довольно легко вписался в компанию своих «коллег по работе», которые должны были устроить в этом ресторане заплаченное «шоу для богатых», с кровью и выбитыми челюстями, и Голованов мог слышать и видеть все, что происходило за соседним столиком, заставленным бутылками пива. И даже не смог удержаться от смеха, когда «папашку», то есть Филю Агеева, пригласила потанцевать одна из девчушек, которая по сценарию должна была изображать «массовку».

Агеев, как истинный джентльмен, отказался, сославшись на плоскостопие, из-за чего тут же подвергся беззлобным подначкам со стороны более молодых и задиристых «коллег».

«Чего так? – удивился один из них. – Неужто правда плоскостопие? А как же тогда спецназ, Афган, Чечня и прочая хренога?»

«Так это ж я так, к слову, – переходя на южнороссийский говор, хмыкнул Агеев. – Я ж, хлопцы, до танцев не мастак. Я ж по другому делу мастер. Вот танцульки закончатся, старушку какую-нибудь прихвачу, вот тогда-то мы себя и покажем. Когда любовь начнется».

Заржали довольные своим «папашкой» девчонки, а одна из них даже спросила заинтересованно, играя при этом хитренькими глазками:

«А с двумя слабо?»

«Влет! – успокоил ее Агеев. – Даже беру встречный план, как при советской власти. С тремя и на всю ночь».

«И что, все будут довольны?» – Девчушка даже рот приоткрыла от удивления.

«Был бы я доволен», – буркнул Агеев, и Голованов увидел, что он посматривает в сторону развеселой компании из здоровенных мордатых парней и не менее статных девок, которые сидели за двумя столиками на расстоянии вытянутой руки от эстрадной площадки.

«Не верю! – засомневалась девчушка. – Пусть докажет».

Однако ее тут же одернул напарник Агеева, который мгновенно засек направленный взгляд Агеева и теперь, видимо, оценивал силы противника.

С этого момента все пошло как при замедленной съемке, и Голованов даже помнил развеселую компанию за столиками на эстраде, которой дирижировал наполовину лысый пятидесятилетний бобер, уже проплативший «драку в ресторане». Эта компания уже хотела не только вина и жратвы, но и зрелищ.

Голованов хорошо помнил, как «благословил» Агеева его напарник: «Ну что, Агеич, с Богом?», и Филя, демонстративно медленно наполнив водкой рюмку, также демонстративно медленно выцедил ее досуха и, покосившись на столик, за которым сидел он, Голованов, вразвалку, то и дело вытирая ладонью уголки губ, направился к столику у эстрады. Остановился, негромко рыгнул, учтиво прикрывая при этом свой рот, и довольно галантно произнес, протягивая руку к молодой, спортивного вида девахе:

«Вы позволите, мадам?»

За столиком мгновенно наступила кладбищенская тишина, потом вдруг кто-то громко хихикнул, а сидевший рядом с девушкой бугай-трехлеток пробасил:

«Она не пляшет».

Однако настырный Агеев даже внимания на него не обратил.

«И все-таки, мадам? В накладе не останетесь».

«Тебе же сказали... – приподнялся со стула бугай-трехлеток. – Ступай!»

А его сосед, на шее которого не сходилась, видимо, ни один ворот даже самой распашной рубашки, добавил, давясь полуидиотским смехом:

«Квазимода, мать твою!..»

Это уже было настоящим оскорблением, тем более, насколько понял Голованов, ни о чем подобном, кажется, участники кровавого шоу не договаривались, и было видно, как сначала побелело, затем побагровело лицо Агеева, и... и его понесло на рифы.

Из-под задницы бычка-трехлетка вылетел стул, и тот с грохотом упал на пол, задев при этом своим огромным копытом ножку стола. Завизжали женщины, со звоном и грохотом на пол полетели тарелки с закуской и бутылки. Голованов успел заметить, что Агеев успел врубить вполсилы еще какому-то бычку, и в этот же момент из-за столика подхватились его «коллеги»...

Голованов покосился на пятидесятилетнего бобра-дирижера и не смог не обратить внимания на то, что и он сам, и вся его компания явно довольны заварившейся перед ними дракой. Но крайней мере, визг бабий стоял такой, что хоть уши затыкай. Сева еще подумал, что подобные шоу – вполне хлебное дело. И не податься ли ему самому в этот бизнес? С десятков подобных заказных драк – и можно будет обновить свой автопарк. Как вдруг...

Все последующее смешалось в его глазах кроваво-черными красками, и он мог воспроизвести происшедшее уже только со слов Агеева, когда тот после операционной пришел в себя.

...Страшной силы удар опустился на затылок Агеева, у него помутилось в глазах, он хотел было глотнуть побольше воздуха, и не смог.

И в этот же момент что-то острое и жаркое прошло его бок. Еще не успев сообразить толком, что же это такое, он вдруг почувствовал, как под брючный ремень сползает теплая, очень теплая струйка, и только в этот момент четко осознал, ЧТО же это такое. И понял, что это, кажется, конец.

Схватившись рукой за окровавленный бок, он круто развернулся и вдруг увидел перед собой сияющие радостью и в то же время наполненные ненавистью глаза человека, которого он менее всего ожидал встретить в этом ресторане.

Чувствуя, как уплывает его сознание, он увидел, как сквозь плотную толпу зевак к нему пробивается Голованов, и уже из последних сил ударил своего врага в лицо. Головой. Со всей силой, которая еще оставалась в нем...

А потом... потом пришел ответ на запрос, направленный на имя Турецкого, и в «Глории» наконец-то смогли по-настоящему оценить, КОГО смог зацепить на крючок Агеев.

«...Декушев Али Ибрагимович. Активный участник бандформирований, действовавших на территории Чечни, Ингушетии и Дагестана. Отличался крайней жестокостью по отношению к захваченным пленным. В федеральном розыске с 2001 года.

Крайне опасен. При задержании может оказать самое активное сопротивление. Владеет почти всеми видами отечественного и зарубежного стрелкового оружия. Специализация – диверсант. Проходил спецподготовку на базах в Арабских Эмиратах, после чего был переброшен в отряд Хаттаба».

Спецхарактеристика: «Патологическая ненависть к “неверным” и одновременно с этим более чем скептическое отношение к мировому исламу».

Вспоминая тот момент, когда на его глазах и под его прикрытием едва не «упустили» Агеева, причем не в горах Афганистана, а в довольно дорогом московском ресторане, чего Голованов до сих пор не мог себе простить, Сева негромко выругался, обозвав себя «нехоженным идиотом», и постарался перевести свои мысли на что-нибудь другое, более спокойное и не столь щекочущее нервы. Однако ничего хорошего в голову не приходило, и он почти заставил себя переключиться на дело «о чести человека и квартире», на которое подписался всего лишь три дня назад, поддавшись уговорам своего бывшего командира, генерала Варламова, с которым они с Агеевым прошли весь Афган. Точнее говоря, Варламов просил не за себя лично, а за своего друга, генерала Самсонова, который из-за какой-то квартирной хренотени может лишиться всего, что он имеет на сегодняшний день, но главное – чести и достоинства «порядочного человека и боевого генерала», каковым этот самый Самсонов и был до последнего момента.

Убита хозяйка и владелица престижной квартиры в «генеральском доме» на Кутузовском проспекте, причем убита при довольно странных и непонятных обстоятельствах, и все подозрения падают на несчастного Самсонова как на человека, который явно претендовал на эту квартиру. Ее владелица – тоже Самсонова... Людмила Степановна хоть и смотрелась довольно привлекательной и бодрой старушкой, однако на самом деле ей уже давно перевалило за восемьдесят, она уже забыла, когда похоронила своего мужа-художника. Детей у нее не было.

Следователь, который вел уголовное дело, уже расставил все точки над і, и ему теперь только и оставалось, что предъявить официальное обвинение в убийстве Самсоновой бывшему генералу, который пока что находился на свободе, дав подписку о невыезде. И теперь вся надежда, как умолял Голованова его бывший командир... Короче говоря, Голованов пообещал Самсонову и Варламову подключить к расследованию этого дела «Глорию», и уже сам намылился напрямую переговорить с Самсоновым, однако Турецкий упрямился и попросил его «присмотреться» к делу.

реть попутно за мальцом, поволив его денек-другой по Москве», и теперь вот, вместо того чтобы заниматься делом, приходилось околачиваться в «топтунах».

Кстати, квартира убитой вдовы художника находилась неподалеку от школы, в которой учился Игнат, и он уже сам для себя решил, что если не случится ничего экстраемального, то можно будет сегодня же навестить Самсонова, чтобы напрямую переговорить с ним. Без посредников и защитников его «чести и достоинства». Впрочем, если верить тому, что рассказал Варламов, – а Голованов не мог не верить своему генералу. – Самсонову грозила не только «потеря чести и достоинства», но и лет десять колонии строгого режима за предумышленное убийство хозяйки этой квартиры. Перед тем как ударить старушку по голове, ее связали и даже заклеили рот широченным скотчем.

Думая о том, что предстоящий разговор с генералом будет, судя по всему, не очень-то приятным – Самсонов, в силу своего генеральского апломба и гонора, постарается держать «масть», а ему, Голованову, нужны будут только факты, причем без соответствующих интерпретаций генерала и ненужных прикрас, и уже одно это проведет между ними тяжелый психологический барьер, – Голованов упустил момент, когда распахнулись двери и на школьное крыльцо выкатились не менее дюжины здоровенных лбов, глядя на которых нипочем не скажешь, что это «всего лишь дети», школьники, у которых еще «не устоялась психика» и их ни в коем случае нельзя травмировать.

За первой дюжиной из здания школы вывалило еще большее количество народа, в этом скопище голов уже трудно было найти Игната, и Голованов переключил свое внимание на блестящую игрушку-мотороллер, который все еще дожидался своего хозяина. И дождался.

Игнат почти вбежал на парковочную стоянку, сунул в багажник сумку с учебниками, врубил скорость и почти с места, едва не поставив мотороллер «на дыбки», рванул в сторону гудящего Кутузовского проспекта. В каждом его движении чувствовалась избыточная нервозность, к тому же он был один, что было бы странным, если бы он поехал в сторону дома, но вполне оправданным, если он собрался навестить своего пушера¹, чтобы пополнить, видимо, закончившийся запас наркоты. В эти минуты его поведение было явно неадекватным, и Голованов не смог не выругаться, выводя свою машину из укрытия:

– Щенок! Щенок сопливый!

Игнат, между тем, едва не на полной скорости и почти не обращая внимания на шаркавших от него прохожих, проскочил проулок, ведущий к Кутузовскому проспекту, и, нарушая все правила уличного движения, что тоже говорило о его внутреннем состоянии, рванул в противоположную от дома сторону. И это также подтверждало догадку Голованова, что парень остался без привычной, видимо, дозы и ему срочно нужен «косячок».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.